

## ИТОГИ ВЕКА

### С.В. КРАВКОВ: ВЫДАЮЩИЕСЯ ДОСТИЖЕНИЯ И НЕСБЫВШИЕСЯ НАДЕЖДЫ

© 2002 г. Е. А. Умрюхин

*Руководитель лаборатории Научно-исследовательского института нормальной физиологии  
им. П.К. Анохина РАМН, член-корр. РАМН, Москва*

Известны блестящие работы в области взаимодействия органов чувств, порогов восприятия, исследования работы глаза, в особенности цветового зрения, выдающегося советского ученого-психофизиолога С.В. Кравкова. В то же время забыты его ранние работы, посвященные общим проблемам психологии, глубокие и проблемные, не утратившие своего значения и сегодня. Обсуждается вопрос о самоограничении Кравкова узкой областью исследований и возможных причинах этого явления.

*Ключевые слова:* судьба ученого, психофизиология, взаимодействие органов чувств, цветное зрение, субъективная психология, самонаблюдение, методы интроспекции.

XX век был богат событиями, изменившими ход истории, ломавшими судьбы стран, народов и выдающихся личностей – творцов этой истории. Он оставил много загадок, часть которых, возможно, будет раскрыта, а многое так и останется погребенным заблуждениями, обманом и невежеством. Загадки эти касаются не только великих событий и людей, претерпевших взлеты и падения, о которых (хотя они и были на виду) часто при жизни и особенно после смерти создавались искаженные представления. Суровая судьба погружала в пучину забвения или холодного равнодушия знаменитых и внешне вполне благополучных людей. В определенной степени таким человеком стал и блестящий ученый, психофизиолог, член-корр. АН СССР и АМН СССР Сергей Васильевич Кравков.

Он родился 19(31) мая 1893 г. в г. Рязани в культурной, интеллигентной семье. Отец-врач – “ученый, доктор медицины” [7], два брата отца – выдающиеся и известные русские ученые: Николай Павлович Кравков, академик, руководитель кафедры фармакологии Военно-медицинской академии, основоположник отечественной фармакологии и Сергей Павлович Кравков – ученый-почвовед с мировым именем, профессор Петербургского университета, при советской власти – заслуженный деятель науки РСФСР.

Краткие биографические данные о Кравкове, а также основные вехи его научной деятельности отражены в немногих написанных о нем статьях [7, 8, 9], в основном они сводятся к следующему.

После окончания гимназии в 1911 г. Сергей Васильевич поступил в Московский университет на историко-филологический факультет, кото-

рый окончил в 1916 г. с золотой медалью по специальности “экспериментальная психология” и был оставлен в Психологическом институте при Московском университете для подготовки к профессорскому званию. В это время он работает под руководством Г.И. Челпанова. С 1918 года он – ассистент в Институте биологической физики Наркомздрава, возглавляемого П.П. Лазаревым. Под его руководством Кравков изучает математику, основы естественных наук и ведет научную работу по изучению последовательных образов. В 1920 году публикуется его первая научная работа, посвященная этим вопросам.

С 1919 по 1926 гг. Кравков – ассистент Психологического института Московского университета. Он ведет большую педагогическую работу, читает лекции по общей и педагогической психологии, экспериментальной психологии, психофизиологии, а позднее – по физиологической оптике, психофизиологии органов чувств, физиологии зрения, цветоведению и др. Кроме университета Кравков работал преподавателем при светотехническом отделении Московского энергетического института, где в 1932 г. был утвержден профессором в области физиологической оптики. Кроме того, начиная с 1920 г. он читал лекции в других московских вузах: Академии художественных наук, Высшем техническом училище, Академии общественных наук, Военно-педагогической академии.

В течение всей своей научной карьеры (с небольшими перерывами) Кравков работал в Институте психологии МГУ (позже Институт общей и педагогической психологии АПН СССР), где проводил исследования взаимодействия органов

чувств вместе с Б.М. Тепловым, возглавлял лабораторию психофизиологии, которая с 1942 г. называлась лабораторией психофизиологии и органов чувств. С 1936 г. Кравков возглавлял созданную им лабораторию физиологической оптики в Центральном офтальмологическом институте им. Гельмгольца, а с 1945 стал научным сотрудником сектора психологии Института философии АН СССР и с 1949 г. руководил лабораторией биофизики зрения в Институте биофизики АН СССР. В каждой из возглавляемых Кравковым лабораторий под его руководством, и, как правило, с его непосредственным участием выполнялись оригинальные исследования, направленные на изучение природы восприятия, его порогов, их зависимости от различных условий в среде, влияния вегетативной нервной системы, а также вопросов взаимодействия органов чувств. Особое внимание Кравков уделял зрительному восприятию, работе глаза, цветовому зрению, зрительным рецепторам.

Результаты научных достижений Кравкова получили заслуженное признание как у нас в стране, так и за рубежом. Достаточно сказать, что его монография "Глаз и его работа" за короткий период выдержала четыре издания и была переведена на все ведущие языки мира. Эта монография – до сих пор основное руководство и настольная книга для многих специалистов, изучающих зрение, – врачей-офтальмологов, психологов, интересующихся зрительным восприятием, физиологов, физиков, специалистов по цветоведению: художников, текстильщиков, полиграфистов, работников кино и других.

Классическими и признанными во всем мире являются работы Кравкова по взаимодействию органов чувств и влиянию на их чувствительность различных средовых и организменных факторов.

Сергей Васильевич всегда тесно связывал свою научную деятельность с запросами практики: светотехники, клиники глазных болезней, военного дела. В 1929 г. совместно с Н.А. Вишневским им был изобретен и сконструирован специальный прибор для определения расстройств сумеречного зрения, который стал серийно изготавливаться для нужд Советской Армии и отбора водителей транспорта.

В годы Великой Отечественной войны деятельность Кравкова и его лаборатории в нейрохирургическом госпитале была направлена на помощь фронту, делу обороны Родины. Он предложил метод борьбы с ослеплением глаз светом прожекторов, различные защитные очки против ярко освещенного снега, дал рекомендации для улучшения светомаскировки, разработал ряд ценных методов для клиники глазных болезней, в частности, ранней диагностики глаукомы по из-

менению цветового чувства, определения электрической чувствительности глаза при травмах черепа и др.

Кравков был награжден медалями "За оборону Москвы", "За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.". По инициативе М.И. Авербаха и С.В. Кравкова с 1941 г. начал издаваться журнал "Проблемы физиологической оптики", и с этого времени Сергей Васильевич являлся бессменным его редактором.

Дополнительные сведения о Кравкове представил его ученик, выполнивший под его руководством в институте им. Гельмгольца диссертацию "О влиянии условий освещения на содержание ацетилхолина в сетчатке", профессор А.Я. Бунин. С энтузиазмом и теплой памятью о своем учителе он характеризовал его как блестящего ученого, с широким кругозором, умеющего отстаивать свои позиции: "Высоко интеллигентный, сурово осуждал небрежность, прогрессивный, не любил, когда выступают не по делу. Высоко ценил свое и чужое время, четко его распределял и зря не тратил, не любил опозданий и появления без предупреждения. Но не жалел времени на деловую беседу или на участие в исследовании. Поначалу его работа клиницистами не воспринималась, но впоследствии завоевала уважение и продолжается в лаборатории его имени и в настоящее время. Членом партии не был и к политике был равнодушен. Высоко ценили работы Кравкова такие крупные ученые, как Вавилов, Авербах и др. В 1951 г. полный сил и энергии в расцвете творческих планов Кравков умер, не пережив инфаркта миокарда".

В некрологе, опубликованном в "Офтальмологическом журнале" [1] было написано: "Кравков – крупный ученый-материалист, давший ряд широких исследований и обобщений в области физиологии органов чувств, способствовавший утверждению принципов диалектического материализма в теории познания".

Такова вкратце внешняя достаточно благополучная сторона научной биографии Кравкова. Задуматься над некоторыми вопросами пришлось после внимательного прочтения трех ранних его монографий [2–4]. Оказалось, что в данных монографиях Кравков не только проявил глубокий интерес к фундаментальным проблемам психологии, но и дал всесторонний их анализ, основанный на освещении крупнейших достижений психологии того времени. Имея обширный педагогический, а также почти 10-летний опыт научно-исследовательской работы, Кравков выказал ряд новых оригинальных положений. Можно было бы проигнорировать данные работы, как это делалось на протяжении его последующей научной деятельности и считать их проявлением незрело-

го ума [7]. Однако и возраст Кравкова (в это время ему уже исполнилось 30 лет), и его увлеченность наукой, и блестящее образование говорят не в пользу такого предположения. Из биографий многих крупных ученых следует, что основной научный интерес, оставшийся потом на всю жизнь, у многих из них формировался именно в возрасте 25–35 лет. В случае же с Кравковым совершенно очевидно, что, начиная с 1930 года круг его научных интересов существенно изменился и сузился по сравнению с представленным в упомянутых монографиях.

Возникает вопрос, сознательно ли ограничил себя Кравков узкими рамками точного экспериментального исследования в тесно прилегающей к физиологии области чувствительности и взаимодействия анализаторов благодаря возможности получать точные и хорошо интерпретируемые научные данные, или в этом ограничении существенным фактором была невозможность развивать высказанные в ранних работах оригинальные и глубокие взгляды на психические явления, вследствие царившего в то время сугубо идеологического и ограниченного подхода к психологии под знаменем марксизма? Было ли развитие научного творчества Кравкова в сторону узко ограниченного исследования органов чувств естественным продолжением его ранних работ в лаборатории П.П. Лазарева, или он пошел на сознательное ограничение своего творческого потенциала, понимая всю сложность проведения исследований в области глубокого анализа психической жизни человека в условиях острой идеологической борьбы по лозунгами марксистских догм? Представляет интерес более подробный анализ ранних работ Кравкова, который может пролить свет, как на эти вопросы, так и на общую эволюцию его научных взглядов, а также, возможно, в некоторой степени и на этапы развития отечественной психологии.

Первая из опубликованных Кравковым книг, носит название “Самонаблюдение”. Она посвящена “Светлой памяти своего убитого друга и отца Василия Павловича Кравкова...” (“убитого органами НКВД, как генерала царской армии” — со слов внучки С.В. Кравкова — Татьяны Юрьевны Кравковой). Кравкову было 29 лет, когда он опубликовал эту книгу. Он прекрасно знал три европейских языка — английский, немецкий и французский. Вопрос, которому посвящена книга, подвергнут тщательнейшим изысканиям с привлечением данных литературы того времени, и по его истории, с широким включением и зарубежных, и отечественных работ, а также глубоким собственным анализом рассматриваемой проблемы. Отметим, что эта книга ни в одной последующей работе Кравкова не упоминается. Не упоминается она и в ссылках на Кравкова, а так-

же в воспоминаниях о нем. За исключением одной статьи, где сказано о теоретической незрелости молодого Кравкова [8]. Понятным становится замалчивание этой работы, если учесть, что тема интроспекции была практически изъята из психологии, как отечественной, так и западной.

На западе это произошло благодаря утвердившемуся в 30-х гг. бихевиоризму и тестологии, с одной стороны, и психоанализу — с другой. А в нашей стране в конце 20 — и в начале 30-х гг. прошли жесткие дискуссии, и в психологии был оставлен однозначный марксистский подход, в котором четко формулировалось: основа психологии — объективное единство сознания и деятельности, и анализу тонких сущностей, связанных с субъективным миром, неосознаваемыми психическими явлениями, по существу, с интроспекцией, не оставалось места. В экспериментальных работах последнего времени все чаще проявляется интерес к субъективной картине психической деятельности испытуемых. Однако при этом учитываются данные, собираемые с помощью различных тестов или опросников, фактически, некая средняя “объективная субъективность”. Даже краткий анализ работы Кравкова показывает, что ничего общего рассматриваемые им методы интроспекции с такой “объективной субъективностью” не имеют.

Современное состояние психологии, повышенное внимание к исследованиям внутреннего мира личности и глубинных субъективных явлений ее психики оправдывает интерес к забытой книге Кравкова [2], включающей 176 страниц текста. Надеюсь, что ее подробный анализ еще впереди и к ней будут обращаться ученые как к труду, имеющему немалое значение и для современной психологии. Отметим только наиболее существенные моменты, особенно в свете современного интереса к проблемам субъективной психологии, а также те, в которых Кравков излагает по существу собственный взгляд на рассматриваемые проблемы.

Анализируя значение метода интроспекции для психологии, Кравков подчеркивает три главных момента. Первый заключается в том, что интроспекция дает и определяет содержание важнейших качественных понятий психологии. “Содержание таких понятий, как сомнение, радость, представление, отвращение, припоминание и т.п. в их качестве необходимо дается через интроспекцию (т.е. самовосприятие или самонаблюдение). И притом лишь через интроспекцию, ибо, поскольку я хочу познать, что такое гнев или хотение, я не могу достичь этого знания объективным наблюдением. Об’ективно я могу лишь воспринять выразительные движения, связанные с гневом и хотением. Но эти движения будут лишь движениями, но не гневом как таковым в его ка-

чественности и не хотением с присущей ему качественной характеристикой,” — пишет Кравков (стр. 7).

Далее Кравков полемизирует с модными в то время течениями в психологии: рефлексологией, объективной психологией, особенно возникшей в школе Бехтерева, и поднимающимся на Западе бихевиоризмом. Он обращает внимание на то, что, отрицая формально и на словах интроспекцию как метод получения данных, ученые, проводящие исследования в рамках этих течений, так или иначе используют метод опроса. Фактически, без данных самонаблюдения и интроспекции интерпретация “объективных” данных становится часто неоднозначной, а иногда и просто невозможной. Существенно при этом: употребляется ли метод интроспекции сознательно, со знанием дела, или стихийно, без учета его ограничений и возможностей.

Третий важный момент, подчеркиваемый Кравковым, — это “эвристическое” значение интроспекции: возможность осуществить мысленный эксперимент. По существу, речь идет о субъективном моделировании экспериментатором возможной субъективной картины переживаний испытуемого в процессе исследования. Возможности, глубина и тонкости такого моделирования существенно зависят от умений, знаний и опыта исследователя в области интроспекции, как научной дисциплины, имеющей свои методы, понятийный аппарат и особенности.

Кравков четко определяет и ограничивает метод интроспекции как метод психологического исследования. Он предлагает отличать метод интроспекции и собираемый с его помощью “сырой материал” от данных, получаемых с помощью рефлексии, а также от оценочного отношения к переживаниям. “Поскольку в интроспекции мы вынуждаемся видеть своеобразный и специфический способ познания психологом мира переживаний в их качественности и не можем усматривать источника этой незаменимой своеобразности в логических операциях рефлектирующего ума — нам и кажется правильным видеть в интроспекции не более, чем особое психологическое восприятие действительности, аналогичное восприятию каким-либо внешним чувством в том смысле, что, как это последнее, она может давать лишь факты, как данности, — лишь сырой материал для науки, как системы” (стр. 24, выделено Кравковым).

Рассматривая специфичность “сырого материала”, даваемого интроспекцией, Кравков подчеркивает важность получения этим методом сведений о взаимодействии неосознаваемых и осознаваемых психических процессов. Надо сказать, что именно в последнее время эта тема, будучи вы-

черкнута в течение многих десятилетий из репертуара психологических исследований, становится снова актуальной. На многих страницах Кравков описывает тонкости метода интроспекции и зависимость ее приемов от качественных особенностей и типа исследования, от его цели и типа собираемого материала. Все это имеет не только историческую ценность. Можно заметить, что почти вся психология конца XIX и начала XX вв. по существу была основана на методах интроспекции. Достаточно вспомнить часто упоминаемые и сейчас имена знаменитых психологов: У. Джеймса, В. Вундта, Т. Рибо и многих других. К сожалению, эти имена вспоминают без глубокого анализа смысла полученных ими данных и сделанных выводов. А именно такой анализ не только этих, но и многих других крупнейших ученых того времени сделан в книге Кравкова. Не будем здесь останавливаться на многих тонких деталях и подробностях метода интроспекции, описанных им. Вывод, к которому приводит читателя автор, заключается в следующем: “Мы имеем основания полагать, что в будущем интроспекция станет еще в большей мере научным методом изучения” (стр. 175).

Некоторые дополнительные интересные сведения, почерпнутые методом интроспекции, приведены в монографии Кравкова “Очерк психологии”, которая так же как и “Самонаблюдение”, ни им самим, ни другими авторами впоследствии не упоминалась. Цель книги, как ее формулирует сам Кравков, заключается в том, чтобы “ознакомить читателя с основными, наиболее твердо установленными фактами и закономерностями психической жизни, считаться с которыми особенно необходимо каждому педагогу”. В книге излагаются сведения, которые имеют самое прямое отношение к обучению детей дошкольного и школьного возрастов. Излагаются основные существенные закономерности восприятия, памяти, внимания, чувств и эмоций, мышления и волевых процессов. Книга начинается с рассмотрения основ физиологического обеспечения психики человека. В этом можно заметить тенденцию, которая впоследствии была взята Кравковым за основу его научной деятельности. Однако акцент в книге ставится именно на механизмах и закономерностях психических процессов, имеющих важнейшее значение для усвоения нового материала ребенком, его развития, воспитания. Конечно, никаких идеологических, марксистских формулировок в книге нет, и об этом уже тогда явно сказано в предисловии редакции. Вместе с тем в книге содержится весьма глубокий материал о “живых” механизмах субъективной психической деятельности человека. Эта монография также несколько не потеряла чисто познавательного интереса к ней. Кравков действительно выбирает наиболее суще-

ственное и твердо установленное в области, имеющей прямое отношение к поставленной цели – детской психологии. Кроме того, изложение построено очень четко и доступно. При этом используются данные, как объективных экспериментальных методов, так и интроспекции. Подробно и вполне на современном уровне анализируются многие тонкости особенностей динамики внимания, которые в последнее время стали объектом многих экспериментальных исследований. При рассмотрении закономерностей памяти и мышления Кравков четко различает такие виды памяти, которые совсем недавно, фактически, только в последнее десятилетие стали объектом пристального внимания экспериментальных исследований, особенно на Западе. Речь идет о различении декларативной и процедурной памяти, имплицитной и эксплицитной, образной и смысловой и других ее видов. В свое время в начале XX века все эти и многие другие особенности психических процессов были уже намечены в психологии как важный объект изучения. Однако распространившиеся в те годы объективные подходы и критика интроспекционизма с позиций методологических установок: на западе – бихевиористических, у нас – марксистских привели к тому, что вместе с “водой” – методом интроспекции – выбросили и “ребенка” – специфические для субъективного мира человека особенности протекания психических процессов. Сейчас происходит открытие заново многих понятий психологии конца XIX и начала XX вв., при этом иногда на новом уровне и с новым методическим обеспечением. Тем не менее, даже просто в целях восстановления исторической справедливости полезно вспомнить о крупных ученых, чьи идеи, в силу тех или иных причин, в том числе конъюнктурных соображений, оказались забытыми.

Еще один вопрос, подробно рассмотренный в одной из трех ранних монографий Кравкова [3], – о роли и механизмах внушения применительно к воспитанию и развитию психики человека и, особенно, ребенка. Подробный анализ этой темы и того, как она представлена в исследовании Кравкова, как всегда глубоко, богатом анализом других работ, в том числе касающихся истории вопроса, выходит за рамки данной статьи и также может иметь самостоятельный интерес и значение.

Таким образом, резюмируя научные интересы первого периода деятельности Кравкова, можно отметить, в первую очередь, большую экспериментальную работу в области физиологических механизмов восприятия, особенно зрительного, преподавательскую деятельность в МГУ и других вузах, а также интерес к глубинным проблемам психологии: субъективному миру человека, физиологическому обеспечению психики, процессам обучения и развития.

Вопрос, почему в последующие годы Кравков ушел от сложных проблем психологии и занялся довольно узкой областью взаимодействия анализаторов, анализом цветового зрения, другими аспектами работы органов чувств, – остается пока без однозначного ответа. Можно полагать, что главные интересы Кравкова при выбранном им узком направлении работ были соблюдены – остались строгость и достоверность анализа получаемых данных, осталась убежденность в вопросе о взаимосвязи психических процессов (хотя и в очень ограниченном их виде) с физиологическим обеспечением. Однако такой ответ находится в противоречии с той глубокой заинтересованностью в исследовании глубин психики человека, которая проявилась в его ранних монографиях.

Нельзя также подумать, что Кравкова привлекала узкая направленность исследования, как фактор, обеспечивающий максимальное сосредоточение сил на одной области с целью более успешного продвижения в ней. Ведь даже ограничив себя узкой областью исследований, Кравков проявил в ней широчайший возможный для него диапазон своих устремлений. Начиная с 1936 г., он одновременно руководил тремя или даже четырьмя лабораториями, имеющими разный профиль и направленность деятельности. Широта его научных интересов простиралась от изучения качественной специфики психических и физиологических процессов в анализаторах до их количественной трактовки с применением строгих математических методов, их описания и анализа, а также интерпретации на уровне химических, биохимических и гуморальных процессов. В тех вопросах, которыми ограничил свою научную деятельность Кравков, он проявляет удивительно глубокое знание всех тонкостей предмета, начиная от обстоятельного анализа его истории по зарубежным и отечественным источникам (часто уже в то время вполне забытым или погребенным под глыбой “идеализма”), и заканчивая привлечением данных из самых последних в его время электрофизиологических, морфологических, биохимических сведений.

В свете поставленного вопроса представляет интерес рассмотрение одного из аспектов трех последних монографий Кравкова, опубликованных издательством АН СССР одновременно или после избрания его членом-корреспондентом Академии Наук и Академии Медицинских Наук СССР: “Очерк общей психофизиологии органов чувств”, 1946; “Взаимодействие органов чувств”, 1948; “Цветовое зрение”, 1951. В каждой из этих трех последних работ автор приводит всего две-три фразы ссылок на марксистскую трактовку процессов восприятия, его соответствия объективной реальности, объективности показаний наших органов чувств, отражения ими внешнего

мира. В последующем материале этих книг, даже рассматривая на многих страницах взгляды, посвященные вопросам восприятия и высказанные явными идеалистами (например И. Мюллером), Кравков больше не возвращается к марксистской полемике, так свойственной книгам (и наполняющим их без меры), написанным в то время самыми разными учеными.

Явное отношение к этим вопросам было также упомянуто А.Я. Буниним в моей беседе с ним: "Политика Сергея Васильевича не интересовала". Надо полагать, что это относилось к определенной политике. Есть и некоторые высказывания в знаменитой книге Кравкова "Глаз и его работа", которые выражают его отношение в последние годы к общим проблемам психологии. Рассматривая механизмы иллюзий, связанные с высшими психическими функциями, например, восприятием движущихся объектов и интерпретацией кажущихся движений, он пишет: "Но мы подошли уже к сложным психологическим вопросам восприятия, рассмотрение которых выходит за рамки этой книги. Следует надеяться, что систематическое изучение всех этих проблем с точки зрения павловского учения об условных рефлексах будет плодотворным" [6, с. 422]. Совсем не так писал он в середине 20-х годов.

Конечно, отмеченное выше нельзя считать строго доказательными. Однако, его можно рассматривать как свидетельство в пользу предположения: уход Кравкова в узкую область психофизиологии с ее сугубо эмпирической направленностью был обусловлен его хорошим пониманием той ситуации, в которой в то время находилась психология и другие гуманитарные науки. И напрашивается предположение, что самоограничение Кравкова было своеобразной внутренней эмиграцией. А если это так, то можно предположить, что не только эмиграция фактическая, отъезд или высылка за границу в 20-е гг., лишила нашу страну многих блестящих ученых, способствовала тому же и внутренняя эмиграция. Останься Кравков всесторонним психологом, какого крупного ученого в этой области, возможно, имела бы Россия! А сколько еще талантливейших людей осталось в тени или исчезло! Приходят на память имена А.Ф. Лазурского, Н.Д. Левитова, Г.В. Сегалина... Они взяты почти наугад и далеко не равнозначны. Каждый был оригинален, по-своему глубок, хотя, возможно, высказывал и ошибочные взгляды. А сколько было таких – еще более глубоких и талантливых...

Вероятно, что даже в выбранной Кравковым узкой области его путь не был усеян только пониманием и легкими успехами. А.Я. Бунин вспом-

нил, как на одном из заседаний ученого совета Кравкову были высказаны большие претензии по поводу того, что его научные достижения далеки от практической деятельности института, клиники. Он отвечал достойно и с юмором, однако можно догадываться, чего стоил ему такой юмор. Т.Ю. Кравкова, говоря о причинах ранней смерти деда, вспомнила и о его глубоких разногласиях с Т.Д. Лысенко. Сейчас можно догадываться, чего могли стоить такие разногласия.

Были у него трудности и с изданием возглавляемого им журнала, была большая, наполненная напряженной творческой работой научная и общественная жизнь, протекавшая в непростые послевоенные годы. У Кравкова остались успешно продолжающие его дело ученики, один из них впоследствии возглавлял Институт им. Гельмгольца.

В необычайно трудную (и не только для науки) эпоху Кравков сумел остаться крупным ученым, найти возможность успешно заниматься любимым делом и приносить пользу обществу, людям, своему народу. Что же касается достигнутых вершин в науке, посмертной славы, общей и относительной оценки его вклада в психофизиологию и области практической психологии, то, по-видимому, рано еще делать в этом отношении окончательные выводы. Современная история продолжается и, возможно, нас все еще ожидают не только открытия новых исторических подробностей прошлых событий, но и существенные изменения наших взглядов на их смысл и значение.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Авербах И.М. и др. Сергей Васильевич Кравков // Офтальмологический журнал. 1951. № 2. С. 96.
2. Кравков С.В. Самонаблюдение. М.: Русский книжник, 1922.
3. Кравков С.В. Внушение (психология и педагогика внушения). М., 1924.
4. Кравков С.В. Очерк психологии. М.: Работник просвещения, 1925.
5. Кравков С.В. Глаз и его работа. М., 1950. 4-е изд.
6. Красногорская И., Чугунов С. Дом на Большой улице. М.: Московский рабочий, 1985.
7. Котова И.Б.. Кравков как психолог и психофизиолог // Вопросы психологии. 1982. № 4. С. 50–60.
8. Рязанская энциклопедия. Рязань, 1999. Т. 1. С. 106–108.
9. Узбекова Г.Н. Сергей Васильевич Кравков – выдающийся ученый в области психофизиологии и физиологической оптики // Физиологический журнал имени И.М. Сеченова. 1993. № 10. С. 106–108.

## **S. V. KRAVKOV: SPLENDID ACHIEVEMENTS AND DISAPPOINTED HOPES**

**E. A. Umriukhin**

*Head of laboratory in Institute of scientific researches of normal physiology named by P.K. Anokhin,  
corresponded member of RAMS, Moscow*

The brilliant works of Soviet psychophysiologicalist S.V. Kravkov in the field of the sense organs interaction and subthresholds of perception, studies of eye working and, especially, colour vision are well known. At the same time his early in-depth works considering general problems of psychology which are still up-to-date are forgotten. The question of Kravkov's self-limitation with narrow research area and its possible reasons are discussed.

*Key words:* scientist's destiny, psychophysiology, sense organs interaction, colour vision, subjective psychology, self-observation, methods of introspection.